

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Зарождение прощения (глава «Ваигах»)

Бывают переломные моменты, которые меняют мир: в 1439 году Иоганн Гутенберг изобрел печатный станок с литерами для наборной печати (правда, за четыре столетия до него это устройство разработали китайцы), в 1821 году Фарадей изобрел электромотор, а в 1990-м Тим Бернерс-Ли создал World Wide Web — «Всемирную паутину». В нашей главе описывается как раз один из таких моментов, причем он преобразил мир в своем роде никак не меньше, чем все перечисленные события. А наступил этот момент, когда Йосеф наконец открыл своим братьям, кто он на самом деле. Пока они молчали, ошеломленные этой неожиданностью, он произнес такие слова:

Я Йосеф, ваш брат, которого вы продали в Египет! Но не печальтесь и не досадуйте, что продали меня сюда, ибо ради [вашего же] выживания Б-г послал меня [сюда] прежде вас. Вот уже два года [длится] голод в стране, и еще пять лет не будет ни пахоты, ни жатвы. Б-г послал меня перед вами, чтобы вы уцелели на земле — чтобы вы выжили и стали многочисленны. Так что не вы отправили меня сюда, а Б-г (Берешит, 45:4–8).

Вот первый отмеченный в исторических анналах момент, когда один человек прощает другого.

Согласно Мидрашу, Б-г прощал и до этого события¹, но, согласно простому смыслу текста, такого не было. Бросается в глаза, что такой элемент, как прощение, отсутствует в историях о Потопе, о Вавилонской башне, а также о Сдоме и городах равнины. Когда Авраам произносил свою отважную молитву за жителей Сдома, он не просил Б-га их простить. Аргументируя свою позицию, он упоминал о справедливости, а не о прощении. Возможно, в городе находились ни в чем не повинные люди — пятьдесят или хотя бы десять человек. Было бы несправедливо предавать их смерти. Следовательно, их заслуги должны спасти от гибели остальных жителей, говорит Авраам. Это совсем не то, что просить Б-га о прощении.

¹ Есть мидрашные свидетельства, согласно которым Б-г частично простил Адама, Хаву и Каина или, как минимум, смягчил им наказание. Об Ишмаэле говорили, что он стал «раскаявшимся грешником», а некоторые мидрашные толкования отождествляют Ктуру (женщину, на которой Авраам женился после смерти Сары) с Агарью, намекая, что Авраам и Ицхак воссоединились и помирились со служанкой Сары и сыном этой служанки.

Йосеф простил. Это был первый случай в истории. Но Тора намекает, что братья не вполне оценили важность его слов. Как-никак, он не употребил впрямую слово «прощать». Он сказал братьям, что им не следует печалиться. Сказал: «Это сделали не вы, но Б-г». Он сказал им, что их поступок привел к позитивным результатам. Но все это теоретически было совместимо с мнением, что они виновны и заслуживают кары. Вот почему Тора рассказывает о втором событии, произошедшем спустя несколько лет, после смерти Яакова. Братья искали встречи с Йосефом, опасаясь, что теперь он отомстит им. Они сочинили целую историю:

И они велели передать Йосефу: «Перед смертью твой отец завещал: “Скажите Йосефу так: Прости, молю тебя, вину твоих братьев и их грех. Они и впрямь причинили тебе зло. Прости же вину рабам Б-га отца твоего!” И плакал Йосеф, когда говорили ему это» (Берешит, 50:16–18).

Их слова представляли собой ложь во спасение, но Йосеф понял, почему они сказали именно это. Братья употребили слово «прости» (первый случай, когда оно появляется в Торе без обиняков), так как все еще не были уверены, что на самом деле имеет в виду Йосеф. Может ли человек по-настоящему простить тех, кто продал его в рабство? Йосеф плакал из-за того, что братья не вполне понимали, что он давно уже простил их. Он больше не желал им зла. В его сердце не было ни гнева, ни затаенной обиды, ни жажды мести. Он обуздал свои чувства и переосмыслил свое понимание случившегося.

Прощение есть не во всех культурах. Оно не является ни общечеловеческим понятием, ни биологическим императивом². Мы знаем это из интереснейшего исследования американского исследователя античности Дэвида Констана «До прощения: происхождение одного нравственного понятия» (2010)³. В своей книге Констан утверждает, что в древнегреческой литературе не было понятия «прощение». Было нечто другое, что часто путают с прощением: это было *умилостивление, смягчение гнева*.

Когда один человек наносит урон другому, пострадавший гневается и ищет мести. Это опасно для виновника, и он, возможно, пробует убедить пострадавшего успокоиться и забыть о случившемся. Возможно, он пытается отнекиваться: это сделал не я, а кто-то другой. Или: да, это сделал я, но у меня не было другого выхода. Или: да, я это сделал, но урон невелик, а я прежде сделал тебе много добра, так что, если все хорошенько соизмерить, ты должен позабыть о моем проступке.

Виновник также может применить альтернативную стратегию, отдельно или в сочетании с вышеописанными: умолять, упрашивать и совершать некий ритуал, символизирующий его самоумаление или унижение. Таким способом он объявляет пострадавшему: «В действительности я тебе не опасен». Греческое слово *sungnōmē*, которое иногда переводят как «прощение», на самом деле означает, по сообщению Констана, *снятие вины или освобождение от наказания*. Я не то чтобы прощаю тебя за содеянное, но мне понятны причины твоего проступка: у тебя не было другого выхода, ты был игрушкой неподвластных тебе обстоятельств; либо — альтернативный вариант — я не вижу необходимости мстить, потому что теперь ты, воздав мне почтение, показал, что питаешь ко мне приличествующее уважение. Мое чувство собственного достоинства восстановлено.

В Торе есть классический пример умилостивления: так Яаков повел себя с Эсавом при встрече после долгого разрыва. Яаков бежал из дома, когда Ривка подслушала Эсава и узнала, что тот решил убить брата после того, как Ицхак умрет (Берешит, 27:41). Накануне встречи Яаков посылает Эсаву щедрый подарок — партию домашнего скота, мысленно говоря: «Сначала попробую *умилостивить* его подношением, отправленным передо мной, а лишь потом сам увижусь с ним. Может быть, он будет ко мне благосклонен» (Берешит, 32:21). Когда братья встречаются, Яаков семь раз кланяется Эсаву — а это классический ритуал самоуничижения. Братья встречаются, целуются, обнимаются и расходятся своими дорогами, но объяснение не в

² Биологический императив — деятельность, необходимая для выживания и сохранения биологического вида. — *Примеч. перев.*

³ David Konstan, *Before Forgiveness: The Origins of a Moral Idea*, Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

том, будто Эсав простил Яакова, а в том, что либо Эсав запомнил свое решение, либо Яакову удалось его умиловить.

Умиловление как форма улаживания конфликтов практикуется не только среди людей, но даже среди других живых существ. Приматолог Франс де Вааль описал ритуалы примирения у шимпанзе, бонобо и горных горилл⁴. У общественных животных бывает борьба за доминантное положение, но также должны быть способы восстановить согласие в группе — ведь иначе она просто не выживет. Итак, есть формы умиловления и примирения, которые возникли еще раньше, чем нравственность, и существуют с тех пор, как зародилось человечество.

Прощение к ним не относится. Констан утверждает, что впервые оно появляется в Еврейской Библии, и ссылается на случай Йосефа. Но кое-чего он не разъясняет: почему Йосеф прощает братьев и почему это понятие и институт зарождаются именно в иудаизме.

Разгадка в том, что в иудаизме зародилась новая форма нравственности. Иудаизм — главным образом этика вины, и это противопоставляет его большинству других систем мировоззрения, поскольку те представляют собой этику позора. Одно из коренных отличий: позор «прилипает» к человеку, а вина — к поступку. В культурах позора человек, совершивший что-то дурное, как бы запятнан, отмечен клеймом, покрыт скверной. В культурах вины дурным считается не человек, а его поступок, не грешник, а грех. Человек сохраняет свою сущностную ценность («душа, которую Ты дал мне, чиста она!», как говорим мы в наших молитвах). А вот поступок надо каким-то образом исправить. Поэтому в культурах вины есть процессы покаяния, искупления вины и прощения.

Это объясняет поведение Йосефа с той минуты, когда братья в первый раз предстали перед ним в Египте, до минуты, когда в нашей недельной главе он открывает, кто он на самом деле, и прощает своих братьев. Это классическая история того, как братьев проводят через процесс искупления вины, — первый подобный случай в литературе. Тем самым Йосеф учит братьев, а Тора учит нас, что значит *заслужить* прощение.

Вспомним, что произошло. Вначале он обвиняет братьев в преступлении, которого они не совершали. Называет их лазутчиками. Сажает их на три дня в тюрьму. Потом, взяв в заложники Шимона, объявляет им: теперь они должны сходить домой и привести в Египет своего младшего брата Биньямина. Иными словами, он принуждает их воспроизвести ситуацию, имевшую место в прошлый раз, когда они вернулись к отцу без одного из братьев — Йосефа. Обратите внимание, что происходит дальше:

Они сказали друг другу: «Несомненно, мы заслуживаем того, чтобы нас наказали (ашемим) из-за нашего брата. Мы видели, как он страдал, когда умолял нас оставить его в живых, но не слушали его; вот почему обрушились на нас эти страдания...» Они не догадывались, что Йосеф понимает их, потому что он прибежал к услугам толмача (чтобы говорить с ними)⁵ (Берешит, 42:21–23).

Это первая стадия покаяния. Они признают, что поступили дурно.

Затем, после второй встречи, Йосеф подкладывает в сумку Биньямина свой особенный серебряный кубок. Кубок находят, и братьев силой приводят обратно. Им объявляют, что Биньямин должен остаться в Египте в качестве раба.

— *Что можем мы сказать нашему господину?! — промолвил Йеуда. — Что нам говорить и чем оправдываться? Б-г обнаружил вину рабов твоих. Теперь мы - рабы нашему господину: и мы сами, и тот, у кого нашелся кубок (Берешит, 44:16).*

⁴ Frans de Waal. Peacemaking among Primates. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.

⁵ Так в английском переводе, который цитирует автор. В переводе Д. Сафронова: «Мы виноваты перед нашим братом, — сказали они друг другу. — Ведь мы видели его страдания, когда он умолял нас, но не слушали его. Вот и пало на нас это несчастье. Им не было ведомо, что Йосеф понимает их, ведь он [говорил] с ними через переводчика» (Берешит, 42:21–23). — *Примеч. перев.*

Это вторая стадия покаяния. Они *сознаются*, что поступили дурно. А фактически делают нечто большее — признают коллективную ответственность. Это важно. Когда братья продали Йосефа в рабство, совершить преступление предложил Йеуда (37:26–27), но соучастниками стали все братья (за исключением Реувена).

Наконец, в кульминационный момент истории не кто иной, как Йеуда, говорит: «Итак, пусть я, раб твой, останусь вместо отрока рабом у моего господина, а отрок пусть вернется со своими братьями» (42:33). Йеуда, продавший Йосефа в рабство, теперь вызывается сам стать рабом, чтобы его брат Биньямин мог выйти на свободу. Именно это мудрецы и Рамбам определяют как *полное покаяние*; вот в чем оно состоит: когда обстоятельства повторяются, и у тебя есть возможность еще раз совершить то же самое преступление, ты все же удерживаешься от этого шага, потому что *ты изменился*.

Теперь Йосеф может простить, потому что его братья во главе с Йеудой прошли через все три стадии покаяния: 1. признали свою вину; 2. сознались, что поступили дурно; 3. изменили линию поведения.

Прощение существует лишь в тех культурах, где существует покаяние. Покаяние предполагает в качестве предварительного условия, что мы действуем свободно и несем нравственную ответственность за свои действия, что мы способны изменяться, особенно когда измениться нас побуждает сознание того, что мы поступили дурно, что мы несем ответственность за этот поступок, что мы больше никогда не должны так делать. В Древней Греции и всех прочих языческих культурах нравственное преобразование такого рода было невозможно. Древнегреческая культура была культурой позора и чести, опиравшейся на парные понятия характера и рока⁶. Иудаизм был культурой покаяния и прощения, где стержневые понятия — воля и выбор. Христианство переняло идею прощения, так что иудеохристианская этика стала главным средством проповеди прощения в истории.

Покаяние и прощение — не просто два понятия в ряду других. Они преобразили положение человека в мире. Прощение впервые указало, что возможна ситуация, в которой мы не обречены беспрестанно повторять прошлое. Когда я каюсь, я демонстрирую, что могу измениться. Будущее не предопределено заранее. Я могу изменить будущее относительно того, каким оно могло бы оказаться. Прощение дарует нам свободу от прошлого. *Прощение отменяет необратимость ответной реакции и мести*. Оно аннулирует все, что мы натворили⁷.

В день, когда Йосеф простил своих братьев, человечество изменилось. Когда мы прощаем и когда мы сами заслуживаем прощения, то вырываемся из плена своего прошлого. Нравственная жизнь — это такая жизнь, в которой есть место прощению.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁶ См.: Bernard Williams. Shame and Necessity. Berkeley: University of California Press, 1993.

⁷ Эту мысль проводит Ханна Арендт в кн.: The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958, P. 241. (В русском переводе: Vita activa, или О деятельной жизни. — Примеч. перев.)